

# Дмитрий Сергеевич Голихов

## *Палеолибертарианство vs. этатизм*

Сборник статей на темы либертарианства и Австрийской  
экономической школы



Дмитрий Голихов

**Палеолибертарианство vs.  
этатизм. Сборник статей на темы  
либертарианства и Австрийской  
экономической школы**

«Издательские решения»

**Голихов Д. С.**

Палеолибертарианство vs. этатизм. Сборник статей на темы  
либертарианства и Австрийской экономической школы /  
Д. С. Голихов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746835-4

Книга представляет собой сборник статей, опубликованных на различных экономических ресурсах автором. Рассчитана на широкие круги читателей с целью пополнения числа сторонников политической философии теории свободы Мизеса. Мы живем в век государственного диктата и этатизма, он окутывает всю нашу жизнь от рождения до смерти. Пришло время вернуться к истокам этики, берущей свое начало в богословском понятии о естественном праве: праве свободно распоряжаться собственностью и заключать договоры.

ISBN 978-5-44-746835-4

© Голихов Д. С.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                                                 |    |
|-----------------------------------------------------------------|----|
| Предисловие                                                     | 6  |
| I Право                                                         | 8  |
| 1. Прецедентное право как форма частного договора               | 8  |
| 2. Прецедентное право и английские колонии                      | 9  |
| 3. Естественное и прецедентное право                            | 11 |
| 4. Этика частной собственности (естественное право)             | 14 |
| 5. Капитализм и частная собственность                           | 15 |
| 6. Право владения и право использования частной собственности   | 17 |
| 7. Естественное право как «мерило» этики                        | 19 |
| 8. Интеллектуальная собственность                               | 21 |
| 9. Искусственные монополии, палеоправила и естественное право   | 23 |
| 10. Юридические лица, персональная ответственность и бюрократия | 25 |
| 11. Либертарианство, ценности и естественное право              | 29 |
| 12. Государство, искусственные привилегии и естественное право  | 31 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                               | 32 |

# **Палеолибертарианство vs. этатизм Сборник статей на темы либертарианства и Австрийской экономической школы**

**Дмитрий Сергеевич Голихов**

© Дмитрий Сергеевич Голихов, 2018

ISBN 978-5-4474-6835-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Предисловие

Книга представляет собой сборник статей, опубликованных на различных экономических ресурсах автором. Рассчитана на широкие круги читателей с целью пополнения числа сторонников политической философии теории свободы Мизеса и его последующих учеников. Для книжного формата текст переработан и дополнен новыми главами для цельности повествования.

Мы с вами живем в мире, в котором институт под названием государство мутировал и разросся начиная с XX-го века до масштабов глобальной катастрофы. Вместо того, чтобы служить интересам граждан – оно занимается учетом и регламентацией нашего «каждого шага», обкладывает налогами по своему усмотрению, вводит запреты и разрешения на что-либо исключительно по собственной прихоти конкретного момента, исходя из выгоды представляющих его чиновников.

Государство пришло к нам всерьез и надолго. Мы больше не можем по своему усмотрению делать то, что считаем нужным, не поставив его в известность и не спросив на то его разрешения. При условии развития технологий мы так оглянуться не успеем, как начнем получать штрафы от государства как в одном фантастическом фильме за «непозволительный умственный процесс».

Экономисты «Австрийской школы», такие как Людвиг фон Мизес, Фридрих фон Хайек, Мюррей Ротбард, Хесус Хуерта де Сото и Ханс-Херманн Хоппе подробно описали все существующие манипуляции государства, при помощи которых оно словно бы играет с простыми людьми «краплеными картами». У него в рукаве припасено много трюков. Так изъятие золота из денег, порождающего возможность инфляции, создает циклы бума и краха в экономике. Сейчас это осуществляется через механизм под названием «частичное резервирование», оно осуществляется через удвоение денег посредством «счетов до востребования». Суть явления в том, что одновременно клиент банка может воспользоваться своим счетом, и в то же время эти же средства выдаются в качестве кредита кому-либо. Чем больше наличности переведено в эти счета – тем больше возможности увеличивать предложение денег. Как только граждане захотят обналичить деньги несколько более «запланированного», как тут же понятно, что банк подвергается опасности стать банкротом из-за нехватки валюты. Увеличение предложения денег на стадии «бума» формирует ложные для бизнеса оценки о том, что денег в наличии много и есть смысл вкладываться в глобальные проекты, не приносящие сиюминутные прибыли. Но, после того как часть кредитов возвращается – происходит дефляция из-за резкого уменьшения предложения денег («пузырь» депозитов до востребования схлопывается) и стадия краха. Становится понятно, что вложения в долгосрочные проекты несут слишком большие издержки, ошибочное инвестирование приводит к череде банкротств.

Этика, которую пытается демонстрировать государство по отношению к своим гражданам – это этика насилия. Оно имеет полное право обложить нас любым налогом, ввести сотню другую законов, ограничивающих естественные права граждан, берущие корни в богословских представлениях: право свободно распоряжаться своим телом и имуществом, добровольно заключать договора по собственному усмотрению. Когда-то отношения государства с людьми формировал подписанный договор, а представитель налогоплательщиков следил за неукоснительностью его исполнения. Сейчас же все перевернуто «с ног на голову»: парламенты пишут законы, регламентирующие жизнь простых граждан, тогда как еще со времен начала существования римского права известно, что закон нельзя написать, его можно только «открыть» в процессе практической деятельности судов. Ему вторит и английское общее право, превозносящее прецедент как норматив установления общего правила, которое в дальнейшем не может быть пересмотрено простым «росчерком пера» чиновника или парламентария. Нельзя просто

ввести новый налог: это должно быть предметом договора, в противном случае это нарушает естественные права граждан.

Описанные в книге примеры того, что происходит в нашем «безумном, безумном, безумном, безумном мире» дают понимание того, что только естественные права в полной мере отвечают этике человеческих отношений. Нельзя отнять у одних людей что-то, чтобы дать это другим: тем самым мы только создаем «порочный круг» паразитической зависимости. Согласно американской и российской истории известно, что лучшая поддержка неимущим исходила всегда от частной инициативы, по этой же причине в разгар «Великой депрессии» «Красный крест» долгое время отказывался от помощи государства, заявив, что ему денег вполне хватает, так как совершенно справедливо боялся разрушить механизм «частной благотворительности».

Обычно люди думают, что либертарианство – это какие-то странные люди бьются за малопонятные права, типа свободы слова, но все гораздо проще. Это идея о том, как людям достигать интересующих целей и не пускать в свою жизнь «паразитов», которые мешают осуществлять какую-либо деятельность, не несущую угроз правам собственности других людей. Под «паразитами» можно иметь ввиду государство, бандитов и т. п. персон и образований, занимающихся принуждением к каким-либо действиям.

Палеолибертарианство ставит своей целью приход к системе добровольных контрактов (либертарианство) посредством естественных институтов, которые являются главным подспорьем на пути к этому. Не нужно путать это с традиционализмом, когда люди придерживаются каких-то норм, даже если они очевидно вредят системе добровольных контрактов (вспомним спартанскую традицию выкидывать слабых детей в пропасть), но и со всеми этими левыми разновидностями либертарианства (которые видят естественные институты препятствием на пути к достижению системы добровольных контрактов), либертинством – тоже путать не стоит.

В книге будут рассмотрены нынешние политические реалии, конкретные жизненные примеры на темы либертарианства и этатизма, однако, я постарался все же максимально опустить «политическую подоплеку», чтобы не вызвать отторжения к книге у людей, имеющих какие-то «политические пристрастия» и привлечь в стан сторонников истинной свободы максимальное число новых сторонников. Хотя, лично мне кажется очевидным, что, скажем, в 90% случаев за словом «патриотизм» прячутся плохо скрываемые «рога» государства и его идеологии, способ оправдать любое решение стоящего за ним чиновника.

## **I Право**

### **1. Прецедентное право как форма частного договора**

Суть либертарианства заключается в том, чтобы частный договор между людьми решал как можно больше, а не что-либо еще: распоряжение чиновника, закон парламента и т. п. Прецедентное право – это тоже определенного рода договор, так как с данным решением суда изначально, до начала тяжб принято соглашаться сторонами. Они заранее договорились, что конкретный человек решает вопросы законности на их земле и принимают законы, которые сформировались эволюционным путем в результате каких-то частных договоров и решениям по спорам, вызванным разночтениями сторон. Судья тут просто выступает со стороны спеца по чтению договоров, понимающего их нюансы. Тут есть смысл акцентировать внимание, что главное, чтобы это было до вынесения вердиктов, а то иначе все будут говорить, что не признают его силы, так как он вынес не угодное им решение.

То есть, нам важно, чтобы система отношений выстраивалась от частных договоров, все шло от них или общих правил игры (которые сформировались через прецедент), если есть противоречия сторон. «Голосовалка» чтобы мало, что решала, если она есть в принципе, так как механизм далеко не лучший, в отличие от договора – он слабо коррелирует с таким понятием, как индивидуальная ответственность. Можно ее убрать вообще, а-ля у нас тут типа анархо-капитализм. Можно ее оставить, чтобы не было заявлений про якобы «ущемление прав» кого-либо, а можно вообще монархию сделать. Тут важнее то, что если есть парламенты, то они должны отслеживать действия чиновников, писать им законы в интересах налогоплательщиков, следить, чтобы президент или король не превышал полномочий, внешней политики вопросы решать могут, но они не должны писать законы самим налогоплательщикам, по которым им следует жить. Налогоплательщик – это их клиент, который им платит за контроль власти, а сейчас все наоборот выходит – платят за то, чтобы предписывал, как мне же должно жить. Есть личный договор, который, вероятно, раз в сто лучше будет отражать то, что мне нужно.

В либертарианской повестке дня важнейшим пунктом должна быть максимальная власть частных договоров и прецедентного права как его разновидности, а не того, как именно должно выстроить социально-политическую систему. Есть парламент или нет его – это не так важно, как то, чтобы он не лез в частный договор людей и вердикт арбитра, которого они себе выбрали. Монархия, президентство или отсутствие исполнительной власти – тоже вопрос из той же оперы. Монархия лучше удовлетворяет правам собственности чаще всего, чем президентство, для ограничения власти короля возникли парламенты. В конечном итоге больше проблем стали представлять сами парламенты. Нужны все эти органы власти или нет – вопрос уже второго порядка. Лично я уверен, что его можно было бы поставить на рассмотрение какого-то частного иска, затрагивающего чьи-то частные интересы и вердикт создал бы новый прецедент по этому вопросу, так это было бы проще всего решить. Тут важно, что «договорились – не договорились», а не то, к чему именно пришли. Сам механизм прихода к решениям через договора важнее даже, чем если когда-то будет принято таки правильное решение президентом или, например, парламентом по вопросам, которые они не уполномочены решать, потому как создают прецедент вмешательства в сферу частных договоров двух людей тем самым. То есть, понятно, что хорошо, если они легализуют «короткоствол» например, но через тот же механизм можно и с легкостью обратно все «отыграть», да еще и запретить, скажем, заодно и травматическое оружие, пневматику и т.п., что в ситуации доминирования прецедентного права и договоров было бы просто немыслимо.

## 2. Прецедентное право и английские колонии

Почему так получилось, что двигателем капитализма и экономического развития по всему миру стали именно английские колонии (помимо самой Великобритании): США, Канада, Австралия, Новая Зеландия?

Ответ на этот вопрос заключается в системе прецедентного права, имеющего статус важнейшего палеоинститута. Каким бы ни было плохим законодательство, но оно должно давать обычным людям время приспособиться к существующим реалиям (если речь не идет о вопросах, очевидно ущемляющих права частной собственности вроде систем социализма, коммунизма и т.д.). Когда этот принцип исполняется, то устанавливается палеопорядок, когда законы работают. Есть прецедент, есть общее правило для всех, которое достаточно сложно «повернуть» как-то иначе, ведь тем самым будет создан новый прецедент и это мгновенно получит огласку по всей стране. Таким образом, даже сильно привилегированным слоям населения достаточно сложно может быть «продать» нужное решение, так как это несет угрозу создания нового прецедента.

Вообще законодательства монархических государств развивались больше эволюционно, чем в результате передела законов и собственности, поэтому очень часто именно в этих странах высокий уровень жизни, как в каком-нибудь княжестве Монако.

Когда системы прецедентного права нет, то закон можно «повернуть», как угодно. Допустим, что юристы фирмы какой-то проработали законодательство, приняли наиболее устраивающее их решение, а уже на будущий год государство пытается этот же закон изменить, чтобы не дать возможности предпринимателям действовать сообразно максимальной эффективности, «содрат» с него побольше налогов.

У нас нет прецедентного права, как бы единства законов и палеоправил, сложившихся естественным путем. У нас единство в том, что человек признается одинаковым, неким существом с однотипным перечнем предпочтений. Одинаковые дома и квартиры (стабильно поганого качества), политические предпочтения (одобряем все наше и клеймим не наше), мода на одежду (не дай бог сланцы с носками или костюм с кроссовками!), пищевые пристрастия (водка, борщ, «оливье») и т. д. Если кто-то выпадает из определенного «линией партии» перечня нормативов, то он уже какой-то неправильный. Каким образом может формироваться рынок, если эти индивидуальные предпочтения исходят не от конкретного человека и его привычек, а от указания сверху? Человек хочет, допустим, слушать «Металлику», а ему уже Кобзона подогнали из всех динамиков города, и не любит он в Новый год каждый раз оказываться отрезанным от мира на две недели, когда ничто нигде не работает, все в запое, а приходится.

Сейчас «Совок» заключается еще в том, что никто ни у кого не спрашивает, чего он хочет. Даже когда заказываешь что-либо у частника, ему сложно бывает понять, что твой случай уникален в плане выбора: четко оговариваешь парикмахеру параметры нужной прически до сантиметров, но он все равно делает что-то свое, мол, так красивее. Индивидуальное предпочтение приносится в жертву всему, чему только возможно. Ну, объективно, к любому явлению у каждого индивидуальное отношение, сколько людей, столько и мнений. Это тоже рынок, рынок индивидуальных оценок. Когда всем предписывают любить какую-нибудь одну страну и ненавидеть другую с государственного телеканала, то это тоже институциональная агрессия государства, элемент социализма. Внутри социалистического мирка на все наложено «табу», нет рынка, индивидуальных проявлений, выбора, предпочтений. Даже «выпить» наливают, не спрашивая, будешь ли, нет? Есть шаблон – это что-то типа «надо», индивидуальное предпочтение куда-то вытеснено глубоко в подсознание.

Люди, которые все равно сохраняют индивидуальность своих предпочтений или еще почему-то остаются «уникальным случаем» – начинают восприниматься коллективистами

какими-то неправильными, государство втайне мечтает их переделать как-то, если не напрямую, то через создание соответствующих настроений среди его активных адептов. Идет своеобразная «война оценок» между индивидуумами и государством.

«Вы любите розы? А я на них...» Это тоже оценка, на них может быть аллергия у кого-то, а уж одержимость парфюмом у народа просто маниакальная, хотя это, мягко говоря, не сильно полезная штука и для обычного человека, не страдающего аллергией. Лично меня, например, еще дико удивляет огромное количество магазинов цветов, работающих 24 часа в сутки. Одна учительница, например, попросила ей колбаску приносить на 1 сентября вместо цветочков, но все ей почему-то все равно цветы дарили и дарят. Есть предпочтение, но оно тупо игнорируется, приносится в жертву стереотипу о том, что «надо».

Любая конкретика из мира «реальных людей» выглядит пошло в социалистическом миреке, ведь она уничтожает существующие стандарты, создает элемент индивидуального предпочтения, выбора, оценки. На всех пытаются «натянуть маски» какой-то образованности, единообразия, ах, мол, как вы пошло, грубо выражаетесь. Только зачем тратить деньги налогоплательщиков, чтобы мусорщик вам стихи Есенина читал?

Консерватизм не может строиться по «разнарядке сверху», так создается только «Совок». Он основан на прецедентном праве, а не на институциональной агрессии, убивающей индивидуальные предпочтения граждан. В Великобритании той же старый закон дополняется новым, но обычно не нарушает его, и это создает консерватизм. В личном плане же люди часто бывают очень причудливы, индивидуальны, чего только стоят «выходки» принца Гарри, а уж какой-нибудь Пол Гаскойн, на которого вся футбольная Британия «молится» – и вовсе шутник редкостный и «большой оригинал».

### 3. Естественное и прецедентное право

Почему естественного права недостаточно для построения либертарианского общества? Потому, что это лишь теория, описывающая принадлежность объектов в мире. Но, помимо этого, есть и определенные законы взаимодействия этих объектов на практике, которые могут быть разными в зависимости от конкретной реализации естественного права.

На практике лишь через прецедент можно описать справедливые или несправедливые способы взаимодействия живых, обладающих разумом объектов с другими объектами. Простой пример: даже сами криминалисты путаются, где превышение самообороны, а где – нет. Можно ли убить того, кто идет на тебя с пистолетом? Это может быть, а может и не быть угрозой убийства. Это может быть и полицейский, выполняющий задание, равно как и бандит, желающий вас убить. Никто не может знать наверняка и потому придумываются определенные правила, когда можно, а когда нельзя применить оружие на поражение. На разных территориях они разные, причем влиять на них может и темперамент проживающего населения. В южных землях, возможно, что «раздумывать» долго не станут, прежде чем применить оружие, потому там может, например, считаться допустимым самооборона даже в относительно более безобидных ситуациях. Вспоминается сразу машина какого-то реднека, на которой было написано что-то вроде «извините, но патроны нынче дорогие, предупредительного выстрела не будет».

Другой пример. Если кто-то дотрагивается до другого человека без его согласия, то как это трактовать? Если до руки, то это часто считается попыткой поздороваться, но это не везде распространено, да и всегда найдутся любители хлопнуть еще и по коленке, например. Где-нибудь в Италии женщин традиционно приветствовали и похлопыванием по «мягким частям тела», а в Сингапуре большая плотность населения, потому там запрещено даже обычное прикосновение. Ущерба собственности тут нет особо, но согласия владельца тела может и не быть на это.

Владение собственностью тоже может иметь ограничения, например, вызванные ее опасностью. Скажем, кто-то может захотеть владеть коллекцией гадюк у себя дома, но это слишком небезопасно по понятным причинам для всех, проживающих поблизости. И как тут будет справедливо рассудить – зависит в большей степени от прецедента, чем от естественного права, слишком тонкая грань владения. А кому-то может придти в голову собрать ядерную бомбу, например. Если принять это право за данность, то террористам задача упростится до минимума избавления от жителей какой-то страны.

Бывает, что какое-то право владения традиционно не успело реализоваться в институт. Например, право выбора юрисдикции собственником. Не было пока таких движений в обществе, традиционно юрисдикция принималась монопольно, как в древние времена монополии гильдий могли сдерживать развитие ремесел, бизнеса, если например король даровал это право заниматься какой-то деятельностью кому-то самолично и запрещал всем остальным.

Почему возникают левые идеи про угнетаемые расы, нации и т.д.? Известно, что после гражданской войны индейские племена стали легкой добычей победивших этатистов. Люди, которые жили на своих землях, не имели статуса граждан США (был просто договор, что эти земли принадлежат им). По всей видимости, никто не думал из них юридически добиваться или гражданства, или уж отдельной юрисдикции. Были вооруженные сопротивления, но что от них осталось по факту? Это слишком легко списать на пьяный «дебош», по всей видимости, воевать было им проще, чем доказывать свои права в суде. После войны тоже не слишком охотно нанимались адвокаты, хотя сейчас уже какие-то компенсации им удается себе вернуть за утраченные земли. Феминисты, «черные пантеры» и т. п. с 60-х годов XX-го века, например, лоббируют свои законы, причем делают это весьма успешно. До такой степени, что везде воз-

никают антидискриминационные законы так называемые, очевидно ущемляющие права большинства населения.

Пример доказывает только то, что естественное право иногда может быть нарушено из-за отсутствия нужных прецедентов. Если жертва преступления не пришла и не подала в суд на преступника, не наняла хороших адвокатов, то никому и в голову не придет, что что-то произошло вообще, ведь каждый занят только своими проблемами. Был нарушен договор с индейцами, но по факту все могли подумать, например, что они заключили какой-то новый договор с правительством и добровольно уехали. То есть, от естественного права как теории, до его реализации на практике в виде прецедентного права – есть определенные барьеры, которые нужно преодолевать, чтобы оно было реализовано. В противном случае никто так никогда и не узнает, что у вас были какие-то права. Особенно это актуально, когда речь идет про давние события: никому же не придет в голову отвоевывать собственность, украденную у ваших прадедов большевиками, с автоматом в руках, но судиться за нее никому же не запрещается, объединяться в общества борьбы за права. В то же время левые «движи» прописывают свои законы потому, что у них есть время этим заниматься и не встречают нужного противостояния в судах, пока не будут затронуты интересы конкретного собственника.

До XX-го века на страже интересов собственника стояла Демократическая партия США, но, как только она мутировала изнутри из-за новых рг-приемов политической борьбы, как тут же выяснилось, что защищать права больше некому. Законодательная инициатива оказалась слишком пагубным механизмом, подмывающим основы естественного права, реализованного преимущественно через право прецедентное. Федерализм начал взламывать штатные законы и насаждать этатизм.

Мы в данном случае не говорим про случаи, когда палеоинституты уничтожены и на их место поставлены квазиинституты, как в какой-нибудь Северной Корее, так что расстрелять могут за одно только поданное заявление в суд. Понятно, что тот же капитализм требует соответствующих работающих, хотя бы относительно независимых институтов. Если же опустить такие примеры, где очевидно нужна капиталистическая революция, то будет ошибкой утверждать, как это делают некоторые либертарианцы, что, пока не будет свободного выбора юрисдикций, то все институты и договоры не могут иметь юридической силы, так как они якобы нарушают естественное право на выбор юрисдикции человеком. Права выбора юрисдикции нет потому, что нет рынка юрисдикций и людей, готовых лоббировать это право через суды и другие институты, платить за это свои деньги тем же хорошим юристам, как в свое время не хватало людей, готовых бороться за право заниматься ремеслами вне гильдий, одобренных королем или за то, чтобы земли можно было свободно продавать и покупать, и т. п.

То есть, при наличии работающих исправно институтов нельзя сказать, что естественное право не работает из-за того, что они плохие. Можно сказать только то, что кто-то не стал бороться за его реализацию на практике. Ведь его принципы очевидны и хороший адвокат мог бы реализовать их вполне успешно. Ведь до прихода к власти бывших вигов штаты имели права выхода из союза, тут явно все предпосылки были и для большего дробления юрисдикций, если бы кто-то захотел его установить. ЛГБТ-движи, феминисты и прочие как-то же лоббируют свои законы, почему же правые не могут заниматься тем же, восстанавливая тем самым палеопорядок и открывая для мира все новые законы естественного права, как, например, добровольные юрисдикции? Большинство просто не представляет, что такое в принципе возможно, именно потому их и нет. Как индейцы слабо представляли себе институт палеосуда. Понятно, что изначально их многие воспринимали полулюдьми, дикарями, многие из них и правда были такими. Но, пока они не пришли к властям и не подали каких-то актов против их депортации, не использовали суды, то как можно было понять, что свершилось что-то несправедливое? Никто не спрашивал по факту, не было и ответа по ситуации. Возможно, что ситуацию «отыграли» бы обратно на основе, например, поданных документов в суд и ответа властей.

Как сейчас никто из либертарианцев или конфедератов не требует в судах возврата права хотя бы выхода штатов из состава США. Сейчас, правда, есть другой механизм в идее референдума в некоторых странах о независимости регионов. Понятно, что в глубоко этатистских странах движения типа «за независимость» подвергаются всяческим гонениям, но и они как-то не рискуют, скажем, финансировать юристов, которые бы в судах добивались возможности права выхода из состава страны. Самое интересное, что подобные движения чаще активны там, где они сами представляют собой достаточно террористические и социалистические движения, как например у басков в Испании, североирландцев.

Смысл приведенных примеров, полагаю, что понятен: не всегда государство виновно в том, что кто-то не смог получить что-то, что должно быть его в соответствии с естественными правами. Иногда просто кто-то не смог о них заявить на институциональном уровне. Ведь много, чего в жизни происходит противоправного, что не становится достоянием общественности, когда «сор не выносится из избы». Естественное право должно быть реализовано через соответствующий прецедент, только тогда станет ясно, что произошло что-то, что противоречит ему. Потому в тех же Штатах, например, «грешно» жаловаться на законы. Там никто вас не убьет, если вы наймете хорошего адвоката, который будет добиваться права смены юрисдикции или независимости штата, частной полиции (кстати, кое-где она и правда там есть, смотрите художественный фильм «Кафкс») и т. п. Другое дело, что поддержки вам могут все же не оказать другие жители страны, ведь уровень жизни высокий, рисковать этим многие могут не захотеть. Если же подача иска в суд автоматом означает убийство заявителя, то это означает, что институты блокированы, тогда действительно на данный момент возможности нет легально реализовывать какие-то естественные права. В этом отличие между этатизмом США и Северной Кореи. В России, полагаю, что примерно промежуточный вариант: какие-то иски можно подавать и даже иногда их выигрывать, пока вы не затронете ключевые интересы государства и правящих групп. И уж совсем глупо предъявлять претензии странам вроде Саудии, где рынок делает ее лидером, скажем, по ВВП на душу населения, как и большинство других исламских монархий. Если там женщины традиционно перемещаются в присутствии опекунов, значит, что конкретно там такой способ взаимодействия объектов принят за данность. Они могут это вполне легально опротестовать, если это, как они считают, нарушает их права. И движения в пользу либерализации законов тоже там происходят. Другое дело, что сами жители не всегда видят в этом смысла пока особо. Немногие хотят что-то менять в этом отношении, ведь уровень жизни, как и в США, весьма высок.

## 4. Этика частной собственности (естественное право)

Никто не задумывается, но в библейском мифе об изгнании из Рая затрагивается тема этики частной собственности. Адам и Ева жили на земле Бога, который сообщил им определенные правила возможности нахождения на своей территории: нельзя есть плоды дерева познания добра и зла. Они нарушили этот запрет и справедливо были изгнаны. Их проблема была в том, что они посчитали себя достойными обладать «правом на чужое», что и называется первородным грехом.

В основе этики лежит как раз право частной собственности: право распоряжаться своим телом и результатами труда, заключать договора. Если бы Адам нашел плоды в лесу, а не украл с дерева Бога, то он был бы абсолютно прав. Найти что-то – это тоже труд, который должен вознаграждаться, если это уже не имеет какого-то владельца.

Адам и Ева проявили свойство, называемое утилитаризмом. Ради обладания новыми полезными знаниями они разрушили таинство договора. Это то самое свойство, из-за которого на Земле происходит множество конфликтов и войн. Можно ли убить невинного человека ради спасения сотен других людей? Этика отвечает на этот вопрос отрицательно. Что происходит, когда люди переступают через таинство договора? Сотни голодранцев врываются в дом землевладельца и раскулачивают его хозяйство. Они спасают себя от голода, но лишь на непродолжительное время, после чего созидательная деятельность и все договора перестают функционировать, жизнь скрывается во мраке хаоса. Никто не растит урожай, все лишь пытаются его друг у друга украсть.

Очень часто люди условно делятся на два типа: те, кто считает, что «все можно» (типа либералы) и те, кто считает, что «все нельзя» (типа консерваторы). Обе группы ошибаются. Можно только то, что не запрещено этикой частной собственности и заключенными договорами частных лиц.

Если мы находимся на территории другой страны, то первое, на что стоит обратить внимание – а соблюдается ли там право частной собственности? Если да, то система существующих правил может считаться легитимной. Понятно, что государство вносит искажения в эту систему в той или иной степени, но в общих чертах вполне очевидно, что КНДР не является такой страной, а США является. Попробуйте догадаться, какая из них распространяет «первородный грех», повреждая тем самым мироздание и природу человека по библейским канонам? Если же этика частной собственности игнорируется, то и договоров нет как таковых в этой стране, заключенных между людьми, они просто подделываются структурой под названием государство.

Этика частной собственности имеет первоочередное значение для людей, так как без этого жизнь превратится в кошмар для всех, что, например, очевидно на примере того, что «наворотили» социалисты в разных мундирах на протяжении XX-го столетия. Россия с конца XX-го века попыталась улучшить ситуацию с этикой частной собственности, но местные консерваторы не считают нужным соблюдать договора. Им кажется вполне легитимным снос частного гаража или дома, не получив согласия владельцев. Хотя, даже в Китае, где у власти коммунисты, мы видим, что ситуация обстоит несколько лучше, поскольку возможно, чтобы владельцы отказались продавать свою собственность – дом в подобной ситуации, несмотря на желание чиновника проложить там трассу.

## 5. Капитализм и частная собственность

Капитализм строится на строгих принципах частной собственности, защищенных, в том числе, юридически. Там, где эти принципы размываются – там мы имеем проблемы. Где эти рамки строгие – там и проблемы решаются просто. Можно этот принцип применить вообще ко всему кругу. Рассмотрим несколько примеров, чтобы понять, о чем идет речь.

Плохая экология? Обычно причина в размытости прав собственности на данных участках. Собственник едва ли станет загрязнять собственные земли или позволять это делать другим.

Финансовые кризисы? Причина та же – несоблюдение прав собственности на деньги через частичное резервирование, когда банкам позволяется умножать полученные на хранение деньги. Социалисты видят причину кризисов в капиталистических отношениях. Только причина не в капитализме, а в нарушении его принципов функционирования. Причина во вседозволенности банковской деятельности, из-за которой экономика развивается в рамках экономических циклов. Чем больше накачено денег незаконным путем – тем хуже последующий кризис. Если же соблюдать право собственности на деньги, то и проблемы вроде «Великой депрессии» не возникнут. Социализм хуже частичного резервирования, его последствия многократно страшнее, но после завершения цикла очень убедительный аргумент оказывается в руках марксистов, который слишком многие принимают на веру, не пытаясь понять настоящих причин происходящего.

Брак означает право на «доступ к телу» к представителю противоположного пола, а также унаследование имущества, в том числе совместным потомством. Понятие «однополого брака» размывает это состояние права собственности. Вместо родственного принципа перехода собственности – ему на смену приходит просто социальный. Если традиционный брак разваливается, то он все равно несет заложенный смысл в том плане, что если остается совместное потомство, то оно должно иметь какие-то права, если иное не решили его родители. Если же его нет, то и людей связывать более ничего не может в имущественном плане. По этой причине однополые браки просто пытаются объединить то, что не подлежит связыванию. Все люди может и братья иногда, но не в имущественном плане, иначе это социализм и в нем можно дойти до того, что уход за собственным телом будет восприниматься актом эгоистического индивидуализма. Брак защищает до определенного предела родственные связи, интересы отпрысков, а других отношений для защиты не может быть в этом брачном смысле. Все остальное можно и так передать индивидуально по личному договору.

Право интеллектуальной собственности пришло к нам сравнительно недавно, но и здесь мы видим попытки размыть рамки понятий, чтобы присвоить то, что им не принадлежит всяческими «пиратами». Само понятие подразумевает какой-то вложенный труд авторами, который некоторые стремятся «раскулачить». Исходя из того же принципа понятно, что ничего хорошего это не сулит. Какой смысл, например, создавать гениальные компьютерные игры, если любой желающий имеет право их присвоить, не заплатив ни цента? Понятно, что это будет тормозить развитие данного направления жизнедеятельности человека.

Мысль, которую сложно понять этатистам – государственным юристам, экономистам, служащим, что понятие собственности появляется автоматом везде, когда какой-то потенциальный покупатель что-то хочет купить, а потенциальный продавец – продать. Как бы возникающие в результате владения каким-то благом услуги – делают его автоматом собственностью, неважно, что именно это есть. Главное, чтобы было неоспоримо право владения этим благом по факту очевидной первопринадлежности. Например, человек, набравший в канистру канадский воздух – имеет все права на него, так как он может продать его в Китае, где есть спрос на него из-за плохой экологии (такой прецедент действительно есть). И эти права автоматом

должны быть защищены юридически. Например, если по пути перемещения канистры некто захочет открыть ее, то он автоматом должен будет компенсировать стоимость данного товара – в данном случае воздуха.

## **6. Право владения и право использования частной собственности**

Идея либертарианства связана с естественным правом каждого человека на использование своего тела и имущества, если это не нарушает естественное право другого человека. И вот здесь часто среди либертарианцев возникают споры. Дело в том, что, к сожалению, собственности находятся в слишком непосредственной близости друг от друга, и это уже накладывает определенное влияние на окружающих. Так, включенная громко музыка ночью мешает спать соседям. При этом непосредственного ущерба их имуществу нет, но все же очевидно негативное влияние на то же самочувствие, например.

И здесь либертарианцы идут по двум путям: первые говорят о том, что все надо разрешить, а вторые – что все надо запретить из подобного рода «вещей», вроде громкой музыки ночью.

Если пофантазировать, то можно придумать множество других примеров. Допустим, что кто-то решил у себя дома собрать коллекцию динамита, ну вот хобби у него такое. Вроде бы, имеет право, но, «случись чего» – и на воздух взлетят все, а не только этот человек.

То есть, можно сказать, что первый лагерь либертарианцев призывает судить по фактам совершенного, но ведь тогда и в разработке ядерного оружия нет ничего страшного, пока не прозвучал ядерный взрыв. Ну и жизнь, несмотря на кажущиеся преимущества, будет изобиловать массой конфузов. Так, хождение голым по улице станет нормой, а не элементом некоторой маниакальности. Или представьте, что кто-то занял место на улице и отказывается пропускать автомобили иначе, чем за денежное вознаграждение, так как он расположился там раньше.

Второй лагерь, наоборот, стремится «все запретить». Проституция, продажа наркотиков (а, может, и алкоголя?), митинги, порнография и т. п. Здесь же угроза противоположная – есть риск «за деревьями потерять лес». То есть, на первый взгляд, кажется, что человек может пользоваться своим имуществом по собственному усмотрению, но в действительности оказывается, что он «связан по рукам и ногам». Есть машина, но ее нельзя парковать. Есть сигарета, но ее нельзя прикурить. Есть мощные динамики, но их нельзя включить из-за слишком громкой музыки. Есть убеждения, но их нельзя не только продемонстрировать, но и даже обозначить в виде предметов какой-то субкультуры.

И кто здесь прав? В действительности, полагаю, что мы констатировали приведенные выше примеры того, что право владения своим имуществом и телом не обязательно означает право на полное его использование без каких-либо ограничений, но и сами ограничения не должны быть чрезмерными.

Ну и кто будет решать все эти вопросы? Полагаю, что ответ на них лежит в плоскости палеолибертарианства. В этой идее предполагается, что должна действовать система независимых от остальных органов власти судов, при этом максимум их полномочий должен приходиться на региональный уровень. Одновременно, совершенно очевидно, нужно запретить тем же парламентам писать законы, регулирующие жизнь простых граждан, и тем самым вмешиваться в деятельность судов, которым нужно опираться только лишь на прецедентное право и существующее ранее законодательство.

В такой ситуации происходит естественная координация граждан в сфере экономики и права. Вопросы же ограничений на право использования собственности должны стать предметом битвы адвокатов. Ведь нам важно, чтобы тот или иной запрет вытекал из всего предыдущего опыта понимания того, какое правило справедливого поведения в конкретной местности является актуальным, а какое – нет. Это все заложено в истории конкретных исков и тяжб. Если же внезапно окажется, что какой-то судья плохо в этом разбирается, то его же земляки откажутся «пожимать ему руку», а то и потребуют его увольнения. В общем-то, как шерифа

можно выбрать, аналогично и судей, по идее, было бы логично если не выбирать, то ротировать как-либо гражданами.

В конечном итоге окажется, что в одном регионе есть одни ограничения на использование частной собственности, а в другом – другие. Где-то консервативней, где-то – либеральней. Но, в любом случае, решения будут справедливыми, и отвечать истории экономической и правовой консолидации людей данного региона.

Еще можно вспомнить про объекты искусства, которые также имеют ограничения на использование частным собственником. При покупке какого-то раритета обычно прописывается необходимость поддержания его в хорошем состоянии и запрещается, скажем, его уничтожение, хоть это, вроде как, и право его владельца, если подходить к вопросу с позиции неограниченного права использования собственности и это также логично.

То есть, ситуаций миллион, и их сложно объять, подходя к вопросу только с позиции естественного права и минуя непосредственно право прецедентное в каком-то регионе. Но, при этом, логично, что никоим образом не должно быть нарушено право владения частной собственностью какого-то лица, которое не причиняло ущерба естественным правам другого человека. То есть, человек имеет право коллекционировать динамит, но вполне могут быть ограничения на хранение его в непосредственной близости от своих соседей.

Аналогично следует поступать и с другими спорными вопросами. Если кто-то считает, что наркотики должны быть разрешены или запрещены, то ему следует нанять хорошего адвоката, который докажет законность данных притязаний, опираясь на правила справедливого поведения в данном регионе, закрепленные в законах прецедентного права. И вполне может получиться, например, что человек имеет право владеть коноплей, а продавать ее – уже нет или еще как-то иначе. И это будет вполне либертарно, поскольку будет опираться на опыт координации граждан в сфере экономики и права, а не просто на распоряжения «доброго дяди». Несогласные же должны иметь право отделиться от данной юрисдикции, если они владеют всеми титулами собственности на свою землю.

## 7. Естественное право как «мерило» этики

В нашем мире существует множество различных народов и обществ, каждый из которых несет в себе совокупность моральных принципов. Очень часто эти принципы не совпадают у разных народов, что чревато межнациональными конфликтами. Возьмем самый типичный пример: у мусульман считается зазорным пить алкоголь, а у христиан – многоженство. Кто здесь прав?

На самом деле подобные проблемы решаются за счет понятия естественного права, которое означает наличие некоторых универсальных этических принципов. Иногда моральные нормы конкретных обществ могут нарушать их, что и является признаком того, что с этим обществом «явно что-то не так». Естественное право подразумевает собой право частной собственности конкретного человека, которое естественным образом общество делегировало ему в процессе эволюции. Это право включает в себя право на свое тело, недвижимость, материальные блага, заключение договоров с другими членами общества.

Этот же принцип ограничивает нас в том, чтобы лишать тех же прав других людей, потому он еще называется негативным правом. Если этот принцип не действует, то общество в нем будет слабым и нежизнеспособным, рискует быть уничтоженным более сильными народностями. Высокие налоги также лишают человека права частной собственности на продукты своего труда, что также подрывает его основы.

Если мы посмотрим, то по всему миру страны и племена, где отрицается естественное право, являются наиболее отсталыми, а значит и уязвимыми. Почему это происходит? Дело в том, что природа человека такова, что он готов «творить» только тогда, когда обладает правами на продукты своего творчества. Как только эти права исчезают, то пропадает и желание действовать, более логичной моделью поведения будет стремление «не высываться», обеспечивающее лучшее выживание в компании «себе подобных», потому как отклоняющееся от нормативов поведение – повод признать в члене племени чужака, так как он не такой, как мы, а значит может представлять потенциальную опасность, ведь его поведение непредсказуемо.

Коммунистическая и социалистическая концепции, по сути, ввергают общество в первобытное состояние, когда главная цель – «быть хорошим» в глазах социума, единым целым с ним, обеспечивая тем самым свое выживание, так как отсутствие частной собственности означает и отсутствие права на свое тело. По этой причине во времена революций происходит так много убийств.

Позитивное право, исходящее от государства, должно в идеале соответствовать естественному праву и не «захламлять» его большим количеством посторонних нормативных документов, так как они в любом случае будут ему противоречить в какой-то степени, подрывать основы общества. Так, право на бесплатное образование вынуждает оплачивать из собственного кармана учебу какого-то постороннего человека, а значит является посягательством на частную собственность.

Вполне логично, что и взгляды на мораль должны исходить именно из естественного права. Так, в нашем обществе очень развита марксистская мораль, проявляется она в том, что люди оценивают поведение не с позиций «правильно-неправильно», а с позиций «хорошо-плохо». Люди сами выдумывают критерии для морали, чтобы оправдать свои претензии на что-то. Бедность здесь часто выступает весомой причиной для получения большей части собственности, при этом в ход часто пускаются аргументы о всеобщем равенстве: «у тебя уже есть много денег, так отдай это все мне, у меня семья большая».

Размер любой претензии возрастает пропорционально тому, что получает человек таким паразитическим образом. Начинается все с права на собственность, а кончаться может правом на ваше тело, что показал и 1917-й год.

Вопрос свободы – это, прежде всего, вопрос соотношения частных собственности граждан. У себя дома можно многое себе позволить, но на общих территориях происходит пересечение сфер законных интересов слишком большого количества людей, рождающее определенные ограничения, закрепленные в правовых актах. Это же не с неба все свалилось, а предмет договоренности людей, сложившийся в результате эволюции на данной территории у данного народа. Именно она позволила сделать так, чтобы из-за собственности и разного понимания норм поведения не «лилась кровь», потому революционный способ перемен в них может привести только к тому, что компромисс будет утерян и снова начнется кровопролитие. Перемены в сторону смещения ближе к естественному праву в идеале должны происходить эволюционным путем и постепенной корректировки отживших нормативов.

«Бомбежка» религии и других естественных социальных институтов подрывает основы существования общества, как гармоничного организма. В результате возникают различные побочные эффекты вроде кровавых революций, культивирования норм насилия и упадка, что приносит всегда негативный эффект. В то же время искусственно насажденные социальные институты тем же государством нигде не подтвердили своей эффективности, а значит большой вопрос, нужны ли они социуму, если испытания на эволюцию они не проходили, не станут ли они «аппендиксом» в его организме?

За век социализма естественные социальные институты и культурные особенности нашего общества настолько сильно были изменены насильственным путем, что мы сами не замечаем, что несем в себе элементы этой искусственной морали, а также ухитрились заразить весь мир этой заразой. Марксисты в своем стремлении облагодетельствовать большую часть населения за счет меньшей – смотрят в ближайшую перспективу, забывая об отдаленном будущем. Сегодня они ограбили «кулаков», накормив их запасами всю местную бедноту, а завтра грабить будет уже некого и наступит голод.

Обычно в праксеологии любят рассматривать гипотетический юморной пример про некую страну Руританию, в которой, например, не любят рыжих людей (пример Мюррея Ротбарда). Исходя из этого, в каждом поколении убивают определенное небольшое число людей. Утилитарист (тот, кто считает, что моральная ценность поведения определяется его полезностью для большинства) при этом замечает, что это не страшно, так как большинство населения остается довольным тем зрелищем, которое создает казнь рыжих и это успокаивает психологически общество, социальные издержки этого не велики. Либертарианец же, который чтит естественное право и оценивает с этих позиций справедливость действия – будет возмущен из-за неоправданного применения силы к человеку, который не делает ничего дурного, несмотря на все преимущества подобного рода действий для остальных людей.

Право на свое тело следует из того, что никто бы в нашем мире не выжил, если бы должен был спрашивать у других людей разрешения на свои действия, каждый свой шаг. Пока всех опросил, можно ли попить водички – умер от жажды. Право на собственность первого владельца вещи следует из того, что, например, рыболов имеет право на пойманную в общем океане рыбу по факту совершенной работы, это очевидно. Скульптор имеет право на созданное из глины творение, ни у кого этот факт не вызывает сомнения. Все то же самое относится и к земле – первый владелец имеет право ее сделать своей собственностью по тому же принципу, после того, как, например, устроит там хозяйство, начнет растить урожай, огородит или поставит дом. Нет никакой разницы между бизнесменом, который зарабатывает на перепродаже акций и рыбаком, который ловит рыбу в океане. Они оба должны обладать одинаковыми естественными правами распоряжаться своим телом и имуществом. Те, кто утверждают обратное – идут против здравого смысла, заложенного самой природой человека.

## 8. Интеллектуальная собственность

Интеллектуальная собственность – очень широкое понятие, включающее патенты, права на средства индивидуализации, секреты производства и т.д., что-то из этого и правда может быть оспорено, но уж права автора на результаты интеллектуального труда всяко имеют основание ничуть не меньше, чем при создании, например, чего-либо своими руками. Это прямое следствие естественного права на свое тело, контракты и результаты труда, которые были получены из владения всей этой своей собственностью (включая работу своего тела, мозга и т.д.), это тот же самый основной либертарианский принцип. Противники договора оферты с целью защиты авторского права просто не понимают природы самого понятия интеллектуальная собственность, тут созданное носит не вещественный характер, поэтому требует другого подхода. Можно спорить насчет патентов или средств индивидуализации – здесь все не так уж однозначно с точки зрения того, что нет прямой связи между созданным и невозможностью другими создать что-то подобное, хотя и те же патенты тоже могут быть актуальны, так как очевидно, что скорее всего все же конкуренты наиболее вероятно «скоммуниздят» изобретение, а не случайным образом придумают что-то аналогичное, и поддержка Мюрреем Ротбардом тех же патентов весьма и весьма логична во всяком случае. Что же касается права автора на результаты труда, то здесь все намного банальней. Природа созданного не аналогична имущественной собственности, здесь не играет роли количество, а только качество созданного, потому как ее легко можно скопировать из-за ее невещественного характера, и нужно защищаться именно от возможности ее незаконного копирования, что прекрасно выполняет тот же договор оферты.

Многие, считающие себя либертарианцами люди отвергают понятие интеллектуальной собственности по причине того, что оно не связано с понятием собственности как таковой, подразумевающей ее материальный характер. Их в заблуждение вводит, прежде всего, то, что либертарианские концепции часто строятся вокруг понятия собственности, но значительно реже затрагивается понятие договор.

В действительности понятие договора имеет более принципиальное и первичное значение, чем понятие собственности. Собственность – просто частный случай договора, в котором ее может и не быть. Бывают же трудовые договоры, агентские, брачные контракты, где может также не быть никакой собственности, а только предписание на конкретные действия. Что же тогда, за необходимостью сотрудником выполнять служебные обязанности стоит видеть угнетение?

Все, что может быть выражено словами – может иметь и какой-то договор. Скажем, в Штатах можно заключить его так, что в случае измены жена лишается того-то и того-то. Договор – это просто выраженное намерение, собственность не обязательно будет в нем упомянута, главное – его юридическая конкретность. Чтобы юрист мог признать его силу. Хотя, если речь идет о «джентльменском соглашении», то даже это может быть не обязательным.

Оферта на нераспространение интеллектуальной собственности – такой же случай договора, как и брачный контракт с опцией штрафа за измену, если таковая будет зафиксирована. И человек может получить деньги как на продаже «тачки», фильма за его авторством, так и за то, что жена нарушила брачный договор и изменила ему. Никто не вправе нарушать заключенный договор, потому с момента принятия оферты, запрещающей тиражирование материалов нельзя их копировать не потому, что они собственность (интеллектуальная собственность – это отдельное понятие, не относящееся к ней согласно нашему законодательству), а потому, что это договор. И его нарушение должно иметь какие-то последствия по понятным причинам. Нарушил договор = украл. Нет никакой разницы, в результате нарушения договора была укра-

дена собственность или нет. В случае с изменой жены тоже не было пропажи собственности, но штраф прописан в контракте. Воровство – частный случай нарушения договора.

Люди сами оценивают, что для них важно, а что – нет, и их оценки субъективны. Где-то они готовы и деньги заплатить за какие-то не просто нематериальные вещи, а вообще не пойми за что. Скажем, был известен случай продажи замка вместе с привидением, можно на аукцион выставить свою удачу и ее кто-то может купить.

Если же мы заикливаемся только вокруг собственности и игнорируем авторское право, то выходит, что мы отказываем людям в праве заключать добровольно договора, что есть грубейшее нарушение либертарианского принципа. То есть, подобные либертарианцы являются либертарианцами только относительно собственности и коммунистами по отношению ко всему остальному, на что еще могут быть заключены договора. Аргумент, что скачавшие с Интернета украденное люди ничего не украли – ложен, так как они являются соучастниками нарушения первичного договора между автором и тем, кто его незаконно скопировал. Аналогично перепроданные украденные часы нужно вернуть первому владельцу, так как их использование нарушает первичный договор, что они являются собственностью первого владельца.

Достаточно хитрой чертой многих «леваков» является то, что они соблюдают право собственности, но не соблюдают договора, через что эту самую собственность и воруют. Это как в анекдоте про Чапаева, что он играл в карты с англичанами в частном джентльменском клубе и проигрался «вдрызг», но тут услышал, что открывать карты не обязательно, все джентльмены и верят друг другу «на слово». И тогда он рассказывает: «Вот тут-то мне „пруха“ и пошла, Петька». Понятно, что правила карточного клуба в таких ситуациях подразумевают жесткие санкции в отношении шулера, но собственность здесь опять не причем, нарушен был просто договор на честную игру. Или, например, цифровой ключ от сейфа, где деньги лежат. Опять никакой собственности, но как быть с договором с охранником не говорить никому комбинацию цифр?

Договор на продажу – частный случай договора, он подразумевает какой-то рынок и оборот, а уж что продавать и покупать – это решать тем, кто его заключает. Здесь фантазия может просто придумывать оборот совершенно невообразимого: «продажа звезд», «лойсов», «воздушных поцелуев», персонажей компьютерных игр. Вовсе не обязательно все это должно быть собственностью. Рынок услуг также ее не имеет, но из этого не следует, что, получив деньги – можно не исполнять то, за что они были заплачены (например, за починку примуса), так как это договор.

То есть, рынок слишком многообразен и регулируется договорами, а не собственностью. Она – просто частный случай. Договор на запрет копирования своего фильма – такой же договор, как и на починку или продажу примуса, продажу привидения в придачу к замку.

Вообще же, в этой главе я сознательно не стал путать читателя с начала ее повествования, но понятие собственности согласно Мизесу и его праксеологии (наука о сознательной деятельности человека), ее подразделу – экономике (наука о преследуемых человеком целях) – должно пониматься несколько иначе, чем в законодательстве отдельных стран. Под ним подразумеваются просто услуги, которые можно извлечь из обладания каким-то благом и правом владения которыми должно обладать частное лицо. Думаю, что в этой трактовке – написанная автором книга является не только благом, но и собственностью. Из чего также вытекают все права автора на распоряжение ею по своему усмотрению, как и любой другой собственностью, такой как автомобилем, домом, телефоном и т. п.

## **9. Искусственные монополии, палеоправила и естественное право**

Если задуматься на тему естественных прав людей и того, как они получают реализацию в мире через палеозакон (сформировавшиеся естественным путем правила), то на ум приходит ассоциация с игровыми видами спорта. Вот, например, баскетбол: запрещены «пробежки», «двойное ведение мяча», а за грубый контакт с телом соперника полагаются штрафные баллы: фолы. В случае набора пяти фолов – игрок покидает площадку. То есть, есть какое-то представление об естественных правах игроков, что, например, нельзя причинять умышленный вред их телам. Каждый грубый контакт трактуется в пользу кого-то из игроков, либо признается в данной ситуации обычным игровым моментом. Права собственности на вещи здесь выражаются в праве владения мячом: определенные вещи с ним делать можно, а за другие на владельца накладываются санкции.

В хоккее существуют другие правила, и в нем игрокам позволяет намного больше делать по отношению друг к другу: силовые приемы, захваты, можно даже прижать противника к борту хоккейной коробки, нередки драки. Драки штрафуются удалениями с площадки на различное время, но они все же воспринимаются, как что-то обыденное. В баскетболе и футболе за это же удаляют с поля до конца игры, штрафуют и можно получить многоматчевые дисквалификации.

Отдельные, наиболее грубые действия в командных видах спорта караются пожизненной дисквалификацией. Стоит отметить, что в примитивных обществах практиковали иногда командные игры, в которых естественно право не читлось и все заканчивалось ритуальными убийствами, например, у некоторых племен индейцев.

Палеозакон примерно так же позволяет людям жить в рамках естественного права по определенным общим правилам, но есть и общества, в которых они не чтутся. Обычно они, рано или поздно, но уступают место более развитым обществам и народам, либо устраняют эти вредные «традиции».

Согласитесь, что было бы немного смешно, если бы баскетболисты стали бы судиться арбитрами по правилам хоккея, и наоборот (но для любителей таких зрелищ все же есть, например, слэмбол). По той же причине нельзя выработать единые для всего мира общие правила справедливого поведения. Они в любом случае будут иметь несколько разное наполнение, в зависимости от региона. В естественных условиях они и так конкурируют между собой, и, тем самым, влияют друг на друга. Дубай, будучи вотчиной арабских консерваторов – стал внезапно таким, достаточно либертарным местом на планете, чего всем этим, значительно более либеральным народам добиться не удалось. Почему не удалось? Потому, что если все резко разрешить или запретить, то это означает просто изменение правил, через которые люди могут, например, терять собственность, деньги, права: нельзя было выгуливать собак на газоне возле дома, но вдруг резко разрешили и рынок пришел сразу, бизнес зацвел. :) Такое новое правило едва ли даст какие-то преимущества, скорее – только грязно будет на улице.

Если разрешить силовые приемы в баскетболе, то не факт, что это добавит игре каких-то преимуществ, но, например, видеоповторы – все активнее используются, так как это очевидное конкурентное преимущество вида спорта, так как гарантирует более качественный арбитраж.

Точно так же нельзя заставить мусульман разрешить свободное распитие спиртных напитков на своих землях, если они сами этого не хотят. В Техасе нельзя требовать убрать «ружья повсюду», даже если вы – редкостный хлопфоб.

Короче говоря, все лучшие законы соседних народов имеют свойство заимствоваться другими в результате конкуренции, но если на федеральном уровне их же «пропихивать», то

это просто даст нам ситуацию монополии на принятие решения, которая создаст «взбесившийся принтер», что просто так множит законы, без всякой причины.

Большинство либертарианцев видит проблему этатизма в государстве, но они ошибаются, причина – в искусственной монополии, то есть – привилегии. Государство работает плохо потому, что его нельзя заменить другим, а не потому, что оно – государство и «жрет» наши налоги. Аналогично, если мы создаем привилегии для одной частной фирмы, что только она будет нам поставлять автомобили, например, а остальным фирмам мы это запретим – рано или поздно, но они станут плохими и некачественными «тазами».

Искусственная монополия наиболее сильно «раздувается» именно через государство потому, что у людей есть свойство хотеть безопасности, именно это свойство создает повсюду «государства всеобщего благосостояния» со всеми их этатизмами.

Индивидуальность палеоправил нужна для того, чтобы создавать конкуренцию между народами. Так лучше видно, чьи законы обеспечивают лучшее развитие обществ, кто лучше способен обеспечить исполнение естественных прав людей: распоряжаться своим телом и собственностью.

В среде либертарианцев очень популярен дискурс на темы того, что только анархо-капитализм с полным уничтожением государства может дать людям свободу в принятии решений, остальные формы презрительно называют минархизмом, «минимальным социализмом». Но какая разница: государство или частная защитная организация будут предоставлять услуги на защиту? Как это назвать – уже не суть, главный вопрос – есть ли добровольные контракты с ним людей или услуги «впихивают» без него, насильно. Налоги, подтвержденные контрактом – не грабеж. Грабеж – то, что их берут без какого-либо добровольного соглашения с людьми, контракта.

«Анкап» или минархизм – вопрос выбора людей, тут главное – есть ли добровольность? Это вопрос из категории: заключать ли договор с данной сантехнической организацией, или какой-то другой, или, черт с ним, сами справимся. Если мы соглашаемся нанять сантехника, то это – минархизм, а если сами справимся – то «анкап». Люди собрались, решили, что им надо из этого. И почему-то думают, что если они хотят нанять, то это уже плохо, минимальный социализм или как-то так. В действительности же нам просто желательно иметь качественный арбитраж третьей стороны, чтобы контракт защитной организации (государства) и людей соблюдался, если есть намерение двух сторон его заключить.

## 10. Юридические лица, персональная ответственность и бюрократия

Никто не задумывался на тему того, зачем нужны юридические лица? Ответ прост: чтобы платить налоги государству. Все эти фирмы были созданы только для того, чтобы государству было удобнее получать свои налоги в максимально возможном количестве, которые оно получает не через добровольный договор, а лоббирует через нужных ему политиков.

Что такое юридическое лицо? Это существо, не обладающее индивидуальной ответственностью. Можно взять деньги в долг, а потом обанкротить фирму. Можно разместить облигации на бирже, а потом предлагать покупателям реструктурировать долги на невыгодных условиях и они, скорее всего, на это пойдут, иначе не вернут вообще ничего, особенно если вложена была несущественная сумма, которая не стоит того, чтобы ради этого судиться.

Если в результате действий юрлица гибнут люди, то ответственность ложится на фирму, репутации которой наносится урон. Но он все равно несопоставим с тем уроном, который был бы нанесен, если бы ответственность, скажем, за катастрофу авиалайнера – ложилась не на какую-то там корпорацию, а персонально на физическое лицо, которое является его собственником. К тому же, можно очень легко уничтожить одно юрлицо и создать новое, с «чистой» историей.

Древнеримские юристы не считали юридических лиц существующими особыми субъектами. Считалось, что носителями прав могут быть только люди.

Такого понятия, как «юридическое лицо» – в римском праве не существовало, в латинском языке даже не было специального термина для обозначения организации. Римские юристы признают только факт принадлежности прав различным организациям, но организации сравнивались с физическим лицом, при этом отдельно разъяснялось, что организация действует вместо конкретного человека (*personae vice*), заместо отдельных персон (*privatorum loco*).

Вопрос правосубъектности средневековых торговых корпораций создавал собой проблему, разрешение которой оказывалось затруднительным для юристов того времени, так как в римском праве, к которому они обычно обращались, идея юридического лица не получила сколько-нибудь значительного развития. Юридическое понятие корпорации впервые появилось у глоссаторов, которые исходя из выдвинутого римскими юристами положения о том, что всё принадлежащее корпорации не принадлежит её отдельным членам (*quod universitatis est, non est singulorum*), пришли к выводу о необходимости исключения из понятия корпорации всякого представления об индивидах, поскольку корпорация сама по себе есть нечто целое, самостоятельное и индивидуальное. То есть, они наделили тем самым правами собственности неодушевленное лицо. Есть разница, что ООО «Рога и копыта» заключает договор с вами или Иван Иванов, Петр Петров и Сидор Сидоров, именуемые в дальнейшем «организация такая-то» заключили договор о нижеследующем...? Она огромна: в первом случае вы имеете дело неизвестно с кем и с чем, во втором – с конкретным человеком, который заключил договор и выступает ответчиком за заключенный контракт.

Папа римский Иннокентий IV выдвинул идею о том, что корпорации являются «фиктивными лицами». Отвечая на вопрос о том, можно ли отлучить от церкви корпорацию, в своей речи на Лионском соборе в 1245 году Иннокентий IV выступил с заявлением, что всякое отлучение распространяется на душу и совесть, и поэтому нельзя отлучить от церкви корпорации, у которых нет ни души, ни совести, ни воли, ни сознания и которые являются лишь отвлечёнными понятиями (*nomen intellectuale*), правовыми наименованиями (*nomina sunt juris*), фиктивными лицами (*persona ficta*).

Суть в том, что сейчас юридические лица – это какая-то глупая бюрократическая необходимость. Это всегда куча отчетности, огромная бухгалтерия и много всего ненужного, что лишь проедает ресурсы владельца. К чему это приводит в конечном итоге? К тому, что все эти фирмы, став крупными концернами – стремятся тут же найти альянс с политиками, чтобы получать заказы от государства, то есть, существовать за счет искусственной монополии, привилегии. А куда им деваться, если штат у фирмы большой (всех этих «просиживателей штатов»), аренда офисов недешевая, налоги грабительские, а конкуренция меньше тоже не становится? Есть, конечно, успешные корпорации, не существующие за счет государственных заказов, но они – только часть всего. Качество произведенных товаров же корпораций-юрлиц – отчего-то также не растет, а только падает. Почему их новые автомобили обладают дефектом дороговизны и неудобства обслуживания в автосервисах (вплоть до того, что в некоторых моделях, чтобы поменять лампочку «поворотника» – нужно разобрать полкабины)? Потому, что издержки слишком велики и их надо хоть как-то компенсировать. Конкуренция не работает на улучшение продукта потому, что все корпорации сперва озабочены тем, чтобы просто выйти в хоть какой-то «плюс» и не разориться «всеми правдами и неправдами». У одной фирмы плохая машина, но у другой-то – еще хуже и дороже в обслуживании.

Что было бы, если бы не было навязанной государством необходимости создавать юридическое лицо? Была бы индивидуальная ответственность человека за совершенные действия. Уже не было бы так, что некая фирма «Рога и копыта» размещает облигации, а потом не возвращает деньги. Было бы так: Иван Иванов взял деньги в долг и не хочет их возвращать. Вы чувствуете разницу? Ни у кого не возникает даже тени сомнения, что он – мошенник, несет персональную ответственность за свои действия. Возможно, что на сто лет вперед никто не захочет иметь дел не только с ним, но и с его потомками. Как, скажем, в той же Шотландии в отдельных горных районах и сейчас никто не подаст руки представителю клана, фамилия которого начинается на «К» за все те дела, которые они совершали тысячу лет назад.

«Не следует множить сущее без необходимости», необходимости понятия юрлицо попросту не существует. Это лицо, которое ни за что не отвечает. При этом те, кто его создали, вынуждены содержать бухгалтерию, смысл которой далеко не всегда оправдан. Бухгалтер – это сейчас чаще даже шпион государства внутри фирмы. Должность, часто не дающая никакого «профита» владельцу, а только лишь возможность откупиться от государства с его большой бюрократической фантазией на тему бумажек и налогов (во всяком случае, их берут обычно именно для этого в таких количествах). Более того, я лично часто замечал, что бухгалтеры почти всегда требуют, чтобы вся фирма работала не столько на прибыль, сколько, чтобы у них не было проблем из-за бумажек с государством. Выглядит это обычно до смешного комично. Допустим, что есть некий лидер продаж Иван, который заключил массу договоров и принес фирме большие «барыши». И вот, именно его обычно «вызывает на ковер» бухгалтер и «материт» до тех пор, пока ему не удастся в Иване как-то отбить желание «создавать проблемы»: чтобы он или меньше сделок заключал, или вообще уволился из компании. Лично я наблюдал эту «картину» во многих фирмах, с которыми имел какие-то дела. В конце концов, если нужны какие-то штатные сотрудники, то куда, как полезнее было бы, например, держать штатного юриста какого-то, который помогал бы решать какие-то недоразумения с партнерами, если бы они возникали. Бухгалтеры бывают полезны для каких-то расчетов, договорных отчетностей перед инвесторами и взгляда на состояние дел, когда это нужно владельцу, но не в таком количестве, как это есть сейчас и далеко не всегда. Ресурсы владельца всегда ограничены и вполне вероятно, что он предпочтет, скажем, обновить свое оборудование или нанять бизнес-консультанта, нежели вести точный учет дел и содержать лишнее рабочее место бухгалтера на имеющиеся у него ресурсы. Это право предпринимателя и должность бухгалтера должна быть конкурентной другим должностям, а не навязываться государством извне для своих нужд контроля доходов.

Не будем забывать, что фирма бывает еще и государственной. То есть – это вообще «безответственность в квадрате». Мало того, что ответственность за ее действия несет некая бесплотная сущность, так у нее еще и нет конкретного владельца. Вы понимаете, куда это все клонит? Абстрактная сущность, которая плодит другие абстрактные сущности. А могло бы такое быть вообще, если бы такого понятия, как юридическое лицо – не существовало «в природе»? Нет, это было бы невозможно. Нет юрлица – нет и государственных предприятий, извечного проедателя госбюджетов в подавляющем числе случаев (когда нет риска разориться и получить ущерб от неудачного решения – сложно говорить об успешности деятельности, она не проходит испытания на жизнеспособность рынком, капитал, вместо увеличения – просто проедается и снова подпитывается из бюджета за счет ограбления собственников налогами).

Если людям какого-то государства хочется платить налоги на какие-то общие надобности, то для этого нет причины плодить такие бюрократические сущности, как юридические лица. Есть такое понятие, как подушный налог, который платит честно каждый гражданин, независимо от того, сколько ему удастся зарабатывать. Этот принцип гораздо честнее, что государство не пытается совершить аморальный акт принудительного изъятия средств из чьего-то частного кармана в зависимости от его успешности. При этом необходимость создания юридического лица отпадает полностью, а с ним и необходимость содержать «тучу» клерков, отчетности перед государством за каждый свой шаг. Плюсами будет еще и возможность в любой момент времени «выйти из дела», разорвать контракты без последствий для себя (кроме указанных в договоре, скажем, с нанимаемыми людьми), сменить резко сферу деятельности. Налоговая служба вообще будет практически не нужна, на порядок снизится (если не полностью исчезнет) бюрократия, отпадет надобность в огромном количестве лицензий государства. Зачем? Все и так знают, что у Ивановых лучший сидр в городе, Петровы его разбавляют, а на Сидоровых подают в суд за ущерб здоровью после их «пойла».

Сейчас физические лица, то есть обычные живые люди – практически не имеют права заниматься предпринимательской деятельностью только потому, что государству будет сложно отследить их успешность и «развести» на налоги. Только ради этого придуман весь этот ад с юридическими лицами и бюрократией всяческой отчетности. Что это, как ни делегирование части естественных прав людей неким мифическим сущностям? Если ты ее не создал собственноручно, то не имеешь права на себя тем самым в полном объеме...

Кто-то считает, что регистрация в качестве индивидуального предпринимателя снимает часть проблемы. Но на это можно возразить, что далеко не каждый готов на это пойти. Мало того, что нужно что-то регистрировать, чтобы вернуть себе самому часть естественных предпринимательских прав, так вы еще и обязаны вести, например, журнал доходов и расходов, отчитываться перед налоговой инспекцией, платить множество платежей (независимо от наличия дохода). Есть ли смысл возвращать их себе в таком жутком виде?

Некоторые могут понять этот текст (и уже поняли, что меня немало удивило) так, что я якобы хочу запретить добровольные объединения людей, но это совсем не так. Никто не мешает создать какой-то бренд, объединение или предприятие. Я лишь предлагаю вернуть вспять время и сделать субъектами права только живых людей, вернув им тем самым сто процентов их предпринимательских прав. При этом, если была какая-то фирма ООО «Картошка» с владельцами Иваном и Петром, то она становится просто собственностью Ивана и Петра – предприятием «Картошка». Никто не мешает Ивану и Петру в договорах именовать себя этим названием, когда они будут заключать сделки от своего лица (Иван и Петр, именуемые в дальнейшем предприятие «Картошка», заключили договор с... о нижеследующем...).

Вообще же в целом корпорации – это прошлый век, ими сложно управлять качественно. Проще даже когда много более мелких фирм объединяется в группу: одна делает шины для машин, другая фары, третья собирает и т. д. И если где-то проблемы, то любой контракт легко порвать и найти другого поставщика детали, включить его в группу. Но еще пока не настолько

рынки конкурентные. Нет такого, чтобы любую деталь от автомобиля можно было сразу найти, только по отдельным запчастям. Многие «группы компаний» образуются именно таким образом, так как союз разных фирм (и разных собственников) более гибок, чем ли. Например, в брокерском бизнесе вполне типично, когда одна фирма является депозитарием (учет ценных бумаг), вторая занимается управлением портфелями клиентов (ПИФы, доверительное управление), третья – банк (вывод и зачисление средств), четвертая осуществляет брокерское обслуживание (доступ на торги). Периодически состав групп меняется, так как кто-то из фирм разоряется, кто-то находит более выгодное предложение по сотрудничеству, но группе целиком проще «держаться на плаву». В корпорации это все сложнее в том плане, что она или вся успешная, или в полном составе убыточна. Какой-то отдел может быть успешным, но не факт, что это спасет все предприятие целиком от банкротства. У группы компаний же шансы уцелеть будут выше, одна фирма-неудачник не испортит все дело, а будет заменена конкурентом. В книге «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» шведских профессоров экономики – эта мысль по моему мнению достаточно сильное обоснование имеет. Бизнес, если резко убрать этатистскую суть нынешнего времени – постепенно пойдет по пути упрощения, когда много мелких фирм-монополистов делают одну деталь и являются монополистами просто потому, что сложно сделать более эффективное производство ее, потому, что там особо нечего планировать и высчитывать (та же проблема, что и при государственном контроле чего-либо, который сложно осуществлять из центра, но в более мелком масштабе). Проще управлять мухой, а не слоном.

Если развить эту тему, то взгляд на государство, как на субъект права – тоже вызывает все те же вопросы. От лица какого «я» принимаются решения на государственном уровне? Гораздо логичней объявить его как организацию, просто собственностью людей, на территориях которых существует данное образование. То есть, если одно государство подписывает договор с другим, то он юридически означает наличие собственников земель, которые хотят заключить контракт с собственниками других территорий. Понятно, что при таком подходе государства будут находиться в состоянии динамичных изменений границ и дробления, как и в случае с бизнесом. Ведь при каждом новом заключении контрактов могут появляться собственники, несогласные с тем или иным решением и желающие выйти из договора с другими собственниками.

В данной главе я пытаюсь в первую очередь объяснить главную проблематику нынешнего времени: естественные права, которые в идеале должны принадлежать людям и только людям (физическим лицам) – по факту частично принадлежат различным странам: государствам, юридическим лицам, а сами люди их же, в той или иной степени, но лишены. Очевидно, что такое положение вещей едва ли можно считать нормальным.

Я понимаю, что палеолибертарианский подход достаточно жестко стоит на стороне защиты естественных институтов, но не будем забывать, что палеолибертарианцы тем и отличаются от традиционалистов, что через них пытаются прийти к системе добровольных контрактов – либертарианству, а не просто хотят держаться за отжившие свое формы «двумя руками и ногами». Скажем, было бы странным требовать от людей запрета ношения коротких одежд только потому, что сто лет назад это было принято. В результате взаимной критики различных палеообществ эта норма преимущественно ушла в прошлое, но не везде, скажем, в мусульманских странах это все еще много, где актуально. Вполне логично, что на жаре хочется носить шорты, например, и это получило свое выражение в уходе от какой-то традиции из разряда обязательности ношения длинных одежд.

## 11. Либертарианство, ценности и естественное право

Многие думают, что либертарианство – это такая либеральная в современном значении слова система, где все типа можно, ни за что не надо отвечать, ха-ха. Но это всего лишь система прав с естественным правом как центральным звеном, а не того, как нужно поступать в той или иной ситуации человеку, это не система ценностей. Она подразумевает, как правило, право свободного ношения оружия и много других таких «ништяков». В Техасе, например, вас могут пристрелить просто за какой-то недоброжелательный поступок. Например, если вы займете чужое парковочное место на стоянке, въехав на него в последний момент «перед самым носом» того, кто собирался его занять и стоял ждал, пока оно освободится (что есть однозначно хамский поступок). То есть, как бы за все приходится отвечать – смысл в этом. Да, человеку придется за это сесть в тюрьму, но есть некоторые моральные принципы, которые, возможно, что важнее, чем система прав. У всех разные ценности, в рамках которых находится и либертарианская система прав. И потому люди, которые поступают подобным хамским образом – сильно рискуют «словить пулю». Может быть, в какой-то раз им повезет, но удача не вечна, особенно под техасским небом. Либертарианство всего лишь предоставляет справедливую цену каждому поступку, и когда за хамство могут пристрелить – его цена увеличивается в разы и становится невыгодным.

Пример того, почему система прав не означает защищенность прав собственности того, кто провоцирует конфликт: Зинедин Зидан предпочел ударить головой футболиста, который сказал ему очевидное оскорбление во время финального матча чемпионата мира 2006-го года по футболу. За это он был удален, но это был его осознанный выбор, ценность удаления оказалась ниже ценности того, чтобы бегать на одном футбольном поле с человеком, который сыплет оскорблениями. И каждый либертарианец – он всего лишь разделяет эту систему прав, а вовсе не то, что он оставит без внимания то, что кто-то целенаправленно делает ему какие-то гадости, так как он, дескать, не нарушает его прав собственности.

Gun-free zone всего лишь создает зону безответственности, где «можно все» и это порождает новые проблемы. Откуда берутся все эти туристы в самолетах, закатывающие истерики? Ну, так там же запрещено оружие – значит, можно позволить себе намного больше. Чему удивляться? Я не хочу сказать этим, что именно в самолетах, в первую очередь, надо срочно разрешить всем возить с собой оружие – это личное дело авиакомпаний, какие правила нужно поддерживать на своей собственности, но суть – вы поняли.

Вообще, в этом смысле – «честные стрелки» оказывают неоценимую услугу обществу, когда совершают именно справедливое возмездие за какой-то однозначно несправедливый поступок, нарушающий права собственности подобным образом (если это действительно так, а не просто у кого-то «крыша съехала»). Ведь они как бы создают страх нарушения чужих прав собственности, неэтичности совершаемых поступков с позиции естественных прав граждан. Америка помнит Марвина Джона Химейера как героя, который не позволил государству, находящемуся в сговоре с местной корпорацией – забрать свою частную собственность, мастерскую – и разнес строения агрессора на специально оборудованном бульдозере.

Если чиновник однозначно украл чью-то частную собственность «посредством авто-ручки», когда кто-то берет в долг деньги и не возвращает – за это все можно легко «словить пулю» и это все увеличивает надежность совершаемых сделок, зачастую заключенных только на словах, это все нередко не нуждается в визировании, но только если это – не Gun-free zone. Да, в либертарианской системе «все по-взрослому» и за каждое неверное действие может наступить «внезапная расплата». Элементы этого прослеживаются в американской культуре, впитавшей в себя нормативы «истинной свободы» первых переселенцев, хоть сейчас и в этом смысле не все так здорово с правами собственности, но на общемировом фоне – скорее всего

все еще лучше, чем где-то еще. Не обязательно всегда все так «жестко» – недоброжелательных людей в либертарианских обществах проще бойкотировать в большую часть времени, отказываясь от всех возможных переговоров о возможном сотрудничестве с ними, что будет их конкурентным недостатком, так как они лишаются всех прелестей координации граждан. В 100%-но либертарианской системе такому человеку, скорее всего, даже будет сложно совершить покупку в супермаркете небольшого городка. Ведь, скорее всего, не будет правил, заставляющих продавца продавать товар всем покупателям. Как в казино, может быть некоторый фейс-контроль от шулеров или нежелательных посетителей.

Короче говоря, смысл статьи в следующем – когда речь идет о либертарианцах – гораздо точнее суть явления передает кто-то типа реднека Дикого Запада, чем думать, что это такой «качатель прав», который вас не тронет, пока вы не нарушите его права собственности, даже если вы однозначно проявляете какую-то враждебность. Сами подумайте, если вора можно пристрелить у себя дома, например, и это считается справедливым – понятно, что возможности самозащиты расширяются многократно. Где-то можно и «палку перегнуть», как, например, случайно недавно застрелили какую-то реп-знаменитость, что на нетрезвую голову случайно перепутала свой дом с соседним. Это просто как бы увеличивает цену противоправных действий и ответственность поведения, а не то, что их вовсе не будет. Да и в рамках естественных прав есть много всего, что можно сделать без однозначного нарушения прав собственности: например, пулю можно пустить не в человека, а в сантиметре над его головой, не говоря уже про то, что многое еще нужно уметь доказать в суде. И если некоторый противоправный момент доказать сложно, то вполне возможно, что это также может использоваться.

Вообще, я бы сказал, что проблема наших людей в том, что они забывают про такое понятие, как осторожность. Они думают, что наличие системы каких-то прав уже как бы автоматом означает их защищенность от чего бы то ни было. Но это абсолютно не так, именно поэтому хамство может быть небезопасно. Простой пример: одна женщина шла по лесу с ребенком и какой-то мигрант попросил ее показать его. Она послала его матом, тот обиделся и убил их обоих. Ничто не предвещало трагедии, но женщина полагала, что наличие прав автоматом делает ее неуязвимой, но она была не в суде, а одна посреди леса, безоружная. То есть, система прав не отменяет систему ценностей человека, она только дает цену за каждое действие. Нарушил чужие права собственности – за это полагается ответственное нарушение прав собственности агрессора, но это не означает автоматом защищенность человека во всех жизненных ситуациях, что, проходя мимо дома, например, ему случайно на голову не упадет кирпич, что на него не нападет дикая собака или грабитель не будет его поджидать в темном переулке. Либертарианцы просто дают наиболее логичную систему прав, в основе которой лежат права собственности на свое тело и вещи, которых люди являются первыми владельцами, получили их по добровольным договорам. Подобная справедливая система прав не означает, скажем, что вам безнаказанно можно назвать чью-то мать проституткой. В рамках палеоправил, скорее всего, это тоже будет приниматься в расчет и иметь санкции, то есть, сложившихся естественным путем правил справедливого поведения (несогласным же придется менять юрисдикцию для своих земель и отделяться). Но даже при их отсутствии вам еще нужно доказать в суде, скажем, что «кулак прилетел вам в голову» именно от этого человека, а свидетелей этого может и не оказаться. Иными словами, свободное либертарианское общество ближе всего, пожалуй, чему-то типа штата Техас до прихода большого государства в XX-м веке.

## **12. Государство, искусственные привилегии и естественное право**

Что такое государство? Это просто искусственные привилегии на базе защитных услуг, вне договорного общества. Проблему стоит рассматривать именно в этой связи – необходимо в максимальном количестве вернуться к договорному принципу. Любой, кто пытается через государство получить искусственные привилегии – просто участвует в институциональной агрессии против договорного общества: не важно, идет ли речь о бизнесе, который хочет получить защиту от конкуренции через протекционизм и госзаказы, или религии, которая рассчитывает получать финансирование из госбюджета, а, может, о высокопоставленном чиновнике, который имеет большую зарплату за перекладывание бумажек с одного места на другое. К вопросу нужно подходить с позиции прав частной собственности, тогда любая проблематика становится видна невооруженным взглядом.

Наша жизнь внутри государства окружена вещами, которые нам кажутся правильными: ПДД придумывает чиновник, министерство образования разрабатывает план обучения детей в школах, водоканал обеспечивает жителей водой. Проблема в том, что мы понятия не имеем об эффективности каждой предлагаемой услуги. Когда вы сами делаете выбор: купить в магазине один сыр или другой – вы контролируете необходимые свойства интересующих вас продуктов, а другие свойства оставляете без внимания. Когда вам идет по трубам ржавая водичка – вы не можете выбрать другую, государство целенаправленно лишает вас выбора воды от другого поставщика. Государство ужесточает законы о безопасности на дорогах – абсолютно не известно, какова эффективность будет этих мер. Простой пример: сделали подсветку пешеходных переходов, в результате стали больше давить там, где переходы оставались без подсветки. Водители вообще переставали реагировать на знаки, если их не подсвечивали, могли себе позволить сильнее разогнаться, а ведь есть еще куча других немаловажных знаков вроде ограничения скорости. Вполне возможно, что, например, именно неподсвеченная «зебра» вынуждала водителей снижать скорость, а когда она стала подсвеченной, то исчезла и осторожность в плане соблюдения скоростного режима. Я просто привел пример того, что не все так однозначно, как оно кажется на первый взгляд. Эффективность осуществления деятельности может появляться только тогда, когда есть собственник или группа собственников, которые заключили договора. Частная дорога в случае неуспешности существующих правил будет объезжаться стороной и нести финансовые издержки. Мы не знаем, какие именно правила будут самыми лучшими, можно сказать только то, что выбор останется за потребителем, в этой связи отпадет множество нынешних идиотских регламентаций. Скорее всего, правила там не будут особо обременительными, иначе не совсем понятно, чем они смогут привлечь клиентуру. При этом сам поставщик услуг постарается сделать реально качественный и безопасный продукт, любой бизнес стремится к этому всеми силами. Даже бренд – уже конкурентное преимущество, которое позволяет продавать товар или услуги гораздо дороже, это не так просто, а результат большой работы. Вы же не сомневаетесь в том, что компьютер от известной марки будет хорошим и качественным, или что сыр определенного бренда внезапно окажется плохим, а почему-то когда речь о такой банальной вещи, как дорога – то сразу какие-то сомнения и вопросы появляются, как будто это не тот же самый продукт, выдаваемый бизнесом, как этот самый сыр или компьютер.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.